

Се Ю тоже слегка нахмурился, в его глазах промелькнуло беспокойство, но вскоре он расслабился.

— Он знает меру.

Зазвучала музыка. Юй Нянь в такт ритму тяжело шагнул на сцену, и фоновый свет содрогнулся. Еще шаг — и резко вступили барабаны, ударяя прямо в сердца слушателей.

Широко расставив ноги, Юй Нянь стоял перед металлической микрофонной стойкой. Его длинные бледные пальцы легли на микрофон, изящный подбородок слегка приподнялся. В такт ритму он запел, начав выступление с невероятно чистого и пронзительного высокого тона, мгновенно взорвав зал!

Высокая нота оборвалась чисто и резко. Обойдя микрофонную стойку, он поправил черный наушник. Музыкальный ритм взвился, подобно пламени, и танец Юй Няня стал невероятно мощным и плавным. Каждая мышца, каждый сустав его тела беспрекословно подчинялись мелодии. Золотая бахрома на погонах подрагивала, вспыхивая искрами в лучах прожекторов. Уголки его губ приподнялись в улыбке — он отдавался танцу без остатка.

На самом пике песни Юй Нянь, продолжая танцевать, откинул со лба влажные от пота волосы и мимоходом расстегнул золотую пуговицу на куртке.

В следующую секунду резкое танцевальное движение обнажило в лучах софитов его узкую талию и бледную, подтянутую грудь и живот, покрытые бисеринками горячего пота. Камера взяла крупный план, выведя это изображение на огромный экран, и зал мгновенно взорвался дикими криками!

Се Ю не удержал стакан, и вода пролилась на ковер.

Юй Нянь, немедленно застегнись!

Едва Юй Нянь спустился со сцены, ждавшая его Ши Роу поспешила протянуть ему чистое полотенце, тапочки и костыли, обеспокоенно спрашивая:

— Няньнянь, как твоя нога?

Сначала Юй Нянь вытер пот полотенцем, затем оперся на костыли и, переведя дух, с улыбкой ответил:

— Не так больно, как я думал. — Он опустил взгляд на обувь и усмехнулся: — Тапочки с медвежатами?

— Ага, подарок от твоих «рисовых клеток». Все говорят, что они тебе очень идут, и я тоже так считаю. — С этими словами Ши Роу достала телефон и сделала несколько снимков подряд.

Услышав, что это подарок фанатов, Юй Нянь не стал отказываться. Обув тапочки с медвежатами, он вошел в гримерную и первым делом снял туго намотанный на ногу бинт.

Ши Роу увидела, что его голень покраснела от сдавливания, и вздохнула:

— Хорошо, что для следующего номера ты выбрал лирическую песню. Будешь просто стоять на сцене, а то иначе это было бы сплошным мучением.

— Да, — Юй Нянь не собирался упрямиться во что бы то ни стало. Он сел перед зеркалом и с

улыбкой добавил: — Если бы мне пришлось танцевать в обоих номерах, брат Мэн и лечащий врач точно взорвались бы от злости.

Ши Роу весело рассмеялась, а затем с любопытством спросила:

— Но, Няньнянь, как тебе во время танца пришло в голову расстегнуть пуговицы? Эффект получился просто невероятный, я сама чуть не закричала, когда увидела!

Юй Нянь убрал со лба влажные волосы, немного смутившись:

— На самом деле я не специально. Просто во время танца стало жарко, я вспотел, а сценический костюм такой тесный, что начал неприятно натирать кожу. Вот я и расстегнул пуговицы прямо в движении. — В его глазах промелькнула легкая гордость. — К тому же, у меня теперь есть пресс.

Стилист, услышав это, как раз подошел и указал на одежду в своих руках:

— Эта не тесная.

Пользуясь перерывом перед выходом на сцену, Юй Нянь старался настроиться на нужный лад. Визажист поправил ему макияж: стёр темную подводку для глаз, нанес новую и сделал брови заметно светлее. В мгновение ока резкий и властный образ Юй Няня снова сменился мягким и воздушным.

В кабинете Се Ю не проявлял никакого интереса к остальным исполнителям. Цюй Сяожань тоже скучал, поэтому от нечего делать решил поболтать с другом, пока они ждали второго выступления Юй Няня.

— Кстати говоря, когда я недавно спросил отца, как у тебя продвигаются дела, он мне ничего не ответил, а просто всучил банковскую карту. И брат тоже: стоит мне заговорить о серьезных вещах, он тут же сует мне карту. Я что, похож на того, кому не хватает денег?

Се Ю удивился:

— Но разве ты не только что купил новую машину?

Цюй Сяожань смущенно потер нос:

— Ха-ха, ну... кажется, совсем немного не хватает...

Се Ю не стал ничего скрывать:

— Мы с дядей Цюем все обсудили. Начнем с проекта развития прибрежной зоны. Дина Чжаосяня сейчас не сковырнуть, но в отношении фракции Сун Кэ я уверен — на этот раз мы сможем разом срезать девяносто процентов их сил.

Он говорил буднично и кратко, но Цюй Сяожань прекрасно понимал, какая опасность за этим кроется. И все же он невольно воодушевился:

— Когда мы полностью разгромим людей Сун Кэ, старый лис Дин Чжаосянь наверняка на какое-то время притихнет!

— Не обязательно, — Се Ю откинулся на спинку кресла и переплел пальцы. Его взгляд был спокоен. — Дин Чжаосянь не из тех, кто станет терпеть, когда к нему приходят с войной, даже

если ситуация не в его пользу. Думаю, если с Сун Кэ будет покончено, он очень скоро сам перейдет в наступление против меня.

Цюй Сяожань встречался с Дином Чжаосянем несколько раз. Стоило ему вспомнить злобный взгляд этого человека, как по спине пробежал холодок. Он спросил вполголоса:

— Так твой брат... это действительно из-за него?..

Се Ю зрачки слегка сузились. Он тихо произнес:

— Нет доказательств.

Цюй Сяожань замолчал и больше не расспрашивал.

Глядя на холодный, словно покрытый инеем профиль Се Ю, он вдруг вспомнил, что в детстве тот был совсем другим.

Сам Цюй Сяожань в детстве был непоседой: лазил по деревьям, ловил муравьев, рвал траву и искал сверчков, каждый день доводя няню до полусмерти. Но Се Ю рос тихим и спокойным. Он всегда аккуратно ходил и ел, был застенчивым и обожал играть на пианино. Пока Цюй Сяожань разорял птичьи гнезда, Се Ю уже мог целый день просидеть за инструментом, без запинки исполняя сложные пьесы.

Он помнил, как однажды Се Ю стоял под деревом во дворе и, покраснев до кончиков ушей, тихо, но твердо сказал:

— Сяожань, я хочу стать пианистом. Буду давать концерты по всему миру, чтобы очень, очень много людей слушали мою игру.

Тогда Цюй Сяожань, сжимая в руке только что украденное из гнезда яйцо, радостно ответил:

— Отлично, Сяо Ю! Когда ты устроишь концерт, я буду помогать тебе продавать билеты!

Повзрослев, сам Цюй Сяожань поступил в довольно известную зарубежную бизнес-школу, собираясь просто получить красивый диплом — все равно дома был старший брат, и дела компании до него не дошли бы. А вот Се Ю оправдал все надежды: его приняли в Музыкальную академию Лето по классу фортепиано. Он стал еще на шаг ближе к своей мечте.

Однако судьба распорядилась иначе. Не успели они уехать за границу, как пришло известие о трагической гибели старшего брата Се Ю. Цюй Сяожань полетел с другом ночным рейсом на родину, присутствовал на похоронах, а затем вернулся с ним в академию, чтобы оформить отчисление.

Старый профессор, обучавший Се Ю, очень сокрушался и спрашивал, нельзя ли вместо отчисления взять академический отпуск. На самом деле он просто надеялся, что ситуацию еще можно исправить.

Бледный как полотно Се Ю отказался. В молчании он низко поклонился учителю и, опустив глаза, попрощался.

Вернувшись в страну, он видел, как Се Ю твердо, чеканя каждое слово, сказал родителям:

— Брат ушел, но у вас остался я.

В тот момент на душе у Цюй Сяожаня было пусто и тоскливо. Ему безумно хотелось крикнуть: «Сяо Ю, а как же пианино, на котором ты играл больше десяти лет? Как же мечта, к которой ты так долго стремился?»

Но в глубине души он понимал: с музыкой покончено, и мечта так и останется всего лишь мечтой.

С тех пор он почти не видел, чтобы Се Ю садился за инструмент. Только в первое время, когда его спешно готовили к роли преемника, и груз ответственности становился невыносимым, Се Ю изредка позволял себе втайне сыграть что-нибудь.

Однако после смерти отца Се Ю больше ни разу не прикоснулся к клавишам.

Цюй Сяожань вспомнил, как в возрасте семнадцати или восемнадцати лет Се Ю в черном фраке выступал в финале концерта своего учителя, и журналисты наперебой называли его самой многообещающей восходящей звездой классической музыки.

Тогда Цюй Сяожань с журналом в руках громко зачитывал эти статьи вслух.

Се Ю держал пальцы на клавишах, сгорая от смущения, но его глаза сияли невероятно ярко.

Как же он тогда гордился другом: «Мой лучший друг — будущий пианист!»

— О чем задумался?

Цюй Сяожань опомнился и тут же улыбнулся:

— Думаю, в какой цвет перекрасить свой суперкар. Как тебе зеленый? Пронесусь мимо на бешеной скорости — и бах, зеленая вспышка перед глазами!

Се Ю окинул его взглядом, но воздержался от комментариев.

Цюй Сяожань с энтузиазмом продолжал:

— Отличный же цвет! Ты ведь тоже недавно обзавелся машиной? Может, покрасим обе в один тон?

Се Ю пристально посмотрел на друга:

— Если только посмеешь, я расскажу твоему брату, что ты целую неделю прогуливал работу.

Цюй Сяожань тут же зажал рот ладонями, что-то невнятно замычав, а затем сквозь пальцы возмущенно пробормотал:

— Мы же друзья, в конце концов!

В этот момент с экрана слышались восторженные крики зрителей в зале, среди которых отчетливо различалось имя Юй Няня. Вновь сосредоточившись на трансляции, Цюй Сяожань опустил руки и задумчиво произнес:

— На этот раз он ведь не будет танцевать? Его нога точно не выдержит. Интересно только...

Его голос внезапно оборвался.

На погруженной в темноту сцене горел единственный луч прожектора, падающий сверху и окутывающий Юй Няня своим сиянием.

<http://bllate.org/book/18301/1754499>